

По делу о проверке конституционности положений частей второй и четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда города Мурманска

Постановление · № 7-П · от 27.06.2005 · Конституционный Суд Российской Федерации · Действует без изменений

Именем

Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности положений частей второй и четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда города Мурманска

город Москва 27 июня 2005 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе председательствующего С.М.Казанцева, судей Ю.М.Данилова, В.Д.Зорькина, Л.М.Жарковой, Г.А.Жилина, М.И.Клеандрова, Н.В.Мельникова, Н.В.Селезнева, О.С.Хохряковой,

с участием судьи Октябрьского районного суда города Мурманска С.В.Алисова, постоянного представителя Государственной Думы в Конституционном Суде Российской Федерации

Е.Б.Мизулиной, представителя Совета Федерации - доктора юридических наук Е.В.Виноградовой, полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М.А.Митюкова,

руководствуясь статьей 125 (части 2 и 4) Конституции Российской Федерации, подпунктом "а" пункта 1 и пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, подпунктом "а" пункта 1 и пунктом 3 части второй статьи 22, статьями 84, 85, 86, 101, 102 и 104 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации",

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности положений частей второй и четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 УПК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явились запрос Законодательного Собрания Республики Карелия о проверке конституционности части второй статьи 20 УПК Российской Федерации и запрос Октябрьского районного суда города Мурманска о проверке конституционности части четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 УПК Российской Федерации - как регламентирующих возбуждение в порядке частного обвинения уголовных дел о преступлениях, предусмотренных статьями 115 и 116 УК Российской Федерации. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли оспариваемые заявителями законоположения Конституции Российской Федерации.

Поскольку оба запроса касаются одного и того же предмета, Конституционный Суд Российской

Федерации, руководствуясь статьей 48 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", соединил дела по этим запросам в одном производстве.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Н.В.Селезнева, объяснения представителей сторон, выступления приглашенных в заседание представителей: от Генерального прокурора Российской Федерации - Т.Л.Оксюка, от Министерства внутренних дел Российской Федерации - Т.Н.Москалькову, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л:

1. Согласно части второй статьи 20 УПК Российской Федерации уголовные дела о преступлениях, предусмотренных статьями 115, 116, частью первой статьи 129 и статьей 130 УК Российской Федерации, считаются делами частного обвинения, возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего, его законного представителя и подлежат прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым.

Законодательное Собрание Республики Карелия в своем запросе в Конституционный Суд Российской Федерации утверждает, что названная норма, распространяющая порядок производства по делам частного обвинения на случаи умышленного причинения из хулиганских побуждений легкого вреда здоровью (часть вторая статьи 115 УК Российской Федерации) и нанесения побоев из хулиганских побуждений (часть вторая статьи 116 УК Российской Федерации), не позволяет обеспечить защиту прав и законных интересов потерпевших от таких преступлений, если они совершаются неизвестными им лицами, поскольку по делам частного обвинения предварительное расследование не проводится и потерпевшие вынуждены самостоятельно принимать меры по установлению личности виновного и его изобличению. Тем самым, по мнению заявителя, нарушается гарантируемое статьей 52 Конституции Российской Федерации право потерпевших на доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба.

Приводя в обоснование своей позиции довод о том, что по указанным в части второй статьи 20 УПК Российской Федерации делам не предполагается проведение предварительного следствия и дознания, Законодательное Собрание Республики Карелия фактически ставит под сомнение и конституционность части четвертой той же статьи, в силу которой возбуждение уголовных дел частного обвинения прокурором, следователем или дознавателем с согласия прокурора и последующее их расследование могут производиться лишь в случаях, если соответствующее преступление совершено в отношении лица, находящегося в зависимом состоянии или по иным причинам не способного самостоятельно воспользоваться принадлежащими ему правами.

Конституционность данной нормы, а также части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 УПК Российской Федерации оспаривается в запросе Октябрьского районного суда города Мурманска, в производстве которого находится заявление гражданина И.А.Илькевича о привлечении к уголовной ответственности неизвестного лица, причинившего легкий вред его здоровью. Как следует из представленных материалов, в связи с тем, что потерпевший не смог сообщить данные о лице, совершившем преступление, судья направил его заявление в прокуратуру Октябрьского округа города Мурманска для решения вопроса о возбуждении уголовного дела и для установления этого лица, однако заместитель прокурора Октябрьского округа города Мурманска возвратил материалы обратно в суд. При этом он сослался на то, что прокурор вправе возбудить уголовное дело частного обвинения только в том случае, когда потерпевший не может защищать свои права и законные интересы в силу зависимого или беспомощного состояния либо по иным причинам (часть четвертая статьи 20 и часть третья статьи 318 УПК Российской Федерации), И.А.Илькевич же является совершеннолетним, трудоспособным, имеет место работы и материальный достаток, а значит, не лишен такой возможности; кроме того, в силу части второй статьи 319 УПК Российской Федерации судья, рассматривая заявление по делу частного обвинения, вправе по ходатайству сторон сам оказать

содействие в собирании таких доказательств, которые не могут быть получены ими самостоятельно. Октябрьский районный суд города Мурманска полагает, что подлежащие применению в данном деле часть четвертая статьи 20, часть третья статьи 318 и часть первая статьи 319 УПК Российской Федерации, как снимающие с государства в лице его правоохранительных органов обязанность по расследованию и раскрытию отдельных категорий преступлений, а также часть шестая статьи 144, пункт 3 части первой статьи 145, часть вторая статьи 319 УПК Российской Федерации, как возлагающие на суд не свойственную ему функцию оказания помощи сторонам в сборе доказательств, не соответствуют Конституции Российской Федерации, ее статьям 2, 18, 45 (часть 1), 46 (часть 1), 52 и 123 (часть 3).

Таким образом, предметом рассмотрения по настоящему делу являются взаимосвязанные положения частей второй и четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 УПК Российской Федерации, регламентирующие порядок возбуждения таких уголовных дел частного обвинения, как дела о преступлениях, предусмотренных статьями 115 и 116 УК Российской Федерации, и последующего производства по этим делам в случаях, когда потерпевшие не имеют возможность представить суду данные о лице, подлежащем привлечению к уголовной ответственности.

2. Исходя из сформулированных в Конституции Российской Федерации (статьи 1, 2, 18, 49, 50, 51, 52 и 54) основных начал взаимоотношений государства и личности в сфере уголовного права и процесса, федеральный законодатель реализует принадлежащие ему в силу статей 71 (пункты "в", "о"), 72 (пункт б" части 1) и 76 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации полномочия по регулированию и защите прав и свобод человека и гражданина, обеспечению законности, правопорядка и общественной безопасности и в предусмотренных Конституцией Российской Федерации пределах (статья 55, часть 3) определяет содержание положений уголовного закона, устанавливает преступность тех или иных общественно опасных деяний, их наказуемость, а также порядок привлечения виновных лиц к уголовной ответственности, учитывая при этом степень распространенности таких деяний, значимость охраняемых законом ценностей, на которые они посягают, и существенность причиняемого ими вреда, а также невозможность их преодоления с помощью иных правовых средств.

Введение законом уголовной ответственности за то или иное деяние является свидетельством достижения им такого уровня общественной опасности, при котором для восстановления нарушенных общественных отношений требуется использование государственных сил и средств. В связи с этим именно государство, действующее в публичных интересах защиты нарушенных преступлением прав граждан, восстановления социальной справедливости, общего и специального предупреждения правонарушений, выступает в качестве стороны возникающих в результате совершения преступления уголовно-правовых отношений, наделенной правом подвергнуть лицо, совершившее преступление, публично-правовым по своему характеру мерам уголовно-правового воздействия.

Публичный характер уголовного права и складывающихся на его основе отношений не исключает, что при установлении общественной опасности и, соответственно, преступности деяния, посягающего на права и законные интересы конкретного лица, а значит, и при решении вопроса о возбуждении уголовного преследования следует учитывать как существенность нарушения этих прав и законных интересов для самого потерпевшего, так и оценку им самой тяжести причиненного ему вреда и адекватности подлежащих применению к виновному мер правового воздействия. Определяя в рамках своих дискреционных полномочий, применительно к каким предусмотренным уголовным законом деяниям и в какой степени при решении вопроса о возбуждении и последующем осуществлении уголовного преследования подлежит учету позиция лица, в отношении которого такое деяние совершено, федеральный законодатель не должен, однако, придавать этой позиции решающее значение применительно к деяниям, которые хотя и совершаются в отношении

конкретных лиц, но по своему характеру не могут не причинять вред обществу в целом, а также правам и интересам других граждан и юридических лиц. Иное означало бы безосновательный отказ государства от выполнения возложенных на него функций по обеспечению законности и правопорядка, общественной безопасности, защите прав и свобод человека и гражданина (статья 10; статья 18; статья 45; статья 72, пункт "б" части 1, Конституции Российской Федерации) и переложение этих функций на граждан.

3. Специфика уголовно-правовых отношений как особой разновидности публично-правовых отношений, возникающих в связи с совершением общественно опасных деяний, обуславливает особенности механизма осуществления судопроизводства по уголовным делам, в рамках которого уголовное преследование лица, предполагаемо виновного в совершении такого деяния, его привлечение к уголовной ответственности и возложение на него мер уголовно-правового воздействия принимает на себя государство в лице специально уполномоченных органов, потерпевший же при этом выступает лишь в качестве субсидиарного участника на стороне обвинения. Причем, исходя из общих правил, установленных статьями 15 (часть 2), 45 (часть 1), 72 (пункт "б" части 1) Конституции Российской Федерации, частью первой статьи 20, статьями 21, 144, 145 УПК Российской Федерации, решение вопросов о возбуждении уголовного дела и его дальнейшем движении, а также о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, не зависит от волеизъявления потерпевшего - оно предопределяется исключительно общественными интересами, конкретизируемыми на основе требований закона и фактических обстоятельств дела. В то же время законодатель - исходя из характера преступления, его общественной опасности, сочетания затрагиваемых преступлением общественных и индивидуальных интересов, а также в целях более полного обеспечения прав и свобод человека и гражданина в соответствии со статьями 18 и 21 Конституции Российской Федерации, в том числе для предотвращения нежелательных для лица, пострадавшего от преступления, последствий его участия в уголовном процессе, - вправе дифференцировать порядок производства по различным категориям уголовных дел, допуская включение в него элементов диспозитивности, которая предполагает учет волеизъявления лица, пострадавшего от преступления, вплоть до придания ему определяющего значения при принятии ряда ключевых процессуальных решений.

Так, уголовно-процессуальный закон, предусмотрев возможность осуществления производства по уголовным делам в порядке публичного, частно-публичного и частного обвинения, установил, что дела частного обвинения возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего (его законного представителя), а если потерпевший находится в зависимом или беспомощном состоянии либо по иным причинам не способен самостоятельно защищать свои права и законные интересы, - по решению прокурора, а также следователя или дознавателя с согласия прокурора; в случае примирения потерпевшего с обвиняемым такие дела подлежат прекращению (статья 20, части первая и третья статьи 318 УПК Российской Федерации). Устанавливая эти правила, законодатель исходил из того, что указанные в части второй статьи 20 УПК Российской Федерации преступления относятся к числу тех, которые не представляют значительной общественной опасности и раскрытие которых, по общему правилу, не вызывает трудностей, в связи с чем потерпевший сам может осуществлять в порядке частного обвинения уголовное преследование лица, совершившего в отношении него соответствующее преступление, - обращаться за защитой своих прав и законных интересов непосредственно в суд и доказывать как сам факт совершения преступления, так и виновность в нем конкретного лица, минуя обязательные в иных ситуациях (по делам частно-публичного и публичного обвинения) процессуальные стадии досудебного производства. Диспозитивность в уголовном судопроизводстве применительно к делам частного обвинения выступает, таким образом, в качестве дополнительной гарантии прав и законных интересов потерпевших и как таковая не может приводить к их ограничению. Ее использование в законодательном регулировании производства по делам этой категории не отменяет обязанность

государства защищать от преступных посягательств права и свободы человека и гражданина как высшую ценность и обеспечивать установление такого правопорядка, который бы гарантировал каждому государственную, в том числе судебную, защиту его прав и свобод, а каждому потерпевшему от преступления - доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (статья 1, часть 1; статья 2; статья 45, часть 1; статья 46, часть 1; статья 52 Конституции Российской Федерации). Реализация этой обязанности предполагает, как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 24 апреля 2003 года N 7-П по делу о проверке конституционности положения пункта 8 постановления Государственной Думы "Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов", защиту прав потерпевших от преступлений не только путем предотвращения и пресечения преступлений, но и путем обеспечения пострадавшему от преступления возможности отстаивать свои права и законные интересы любыми не запрещенными законом способами. На необходимость предоставления жертвам преступлений надлежащей помощи на всем протяжении судебного разбирательства и обеспечения им права просить о пересмотре компетентным органом решения о непреследовании или права возбуждать частное разбирательство указывается и в Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью (принята Генеральной Ассамблеей ООН 29 ноября 1985 года) и Рекомендации N R (85) 11 Комитета Министров Совета Европы "О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса" (принята 28 июня 1985 года).

Между тем Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, закрепляя в качестве обязательного условия возбуждения уголовных дел частного обвинения наличие надлежащим образом оформленного заявления, в котором должны быть указаны данные о лице, привлекаемом к уголовной ответственности, лишает потерпевшего, которому такие данные не известны, возможности возбудить в суде соответствующее уголовное дело и получить защиту своих нарушенных прав, поскольку при несоблюдении этого требования закона судья выносит постановление, в котором предлагает устранить в установленный срок выявленные недостатки, а при неисполнении данного указания - отказывает в принятии заявления к своему производству (часть вторая статьи 20, часть шестая статьи 144, части первая, пятая и шестая статьи 318, часть первая статьи 319).

Не предполагает Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в подобных случаях и обращение потерпевших с соответствующими заявлениями в прокуратуру и органы внутренних дел, к числу основных задач которых относится оказание помощи гражданам, пострадавшим от преступлений, и которые наделяются для этого законом соответствующими полномочиями, а также обладают специальными средствами и навыками раскрытия преступлений. Часть четвертая статьи 20 и часть третья статьи 318 УПК Российской Федерации, связывая полномочие прокурора, следователя и дознавателя возбуждать дела частного обвинения лишь с особенностями личности потерпевшего, который в силу зависимого или беспомощного состояния либо по иным причинам (возраст, состояние здоровья и т. п.) не способен самостоятельно воспользоваться принадлежащими ему правами, не предусматривают их обязанность возбудить уголовное дело частного обвинения и принять меры, направленные на обеспечение привлечения лица, виновного в совершении такого преступления, к уголовной ответственности в иных случаях, в том числе когда это лицо потерпевшему неизвестно. В результате отказ прокурора, следователя или дознавателя от возбуждения уголовного дела и от принятия предусмотренных законом мер к установлению личности виновного фактически исключает возможность получения потерпевшим судебной защиты своих прав и законных интересов.

Таким образом, положения частей второй и четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318 УПК Российской Федерации - в той их части, в какой они, не обязывая прокурора, следователя, орган дознания и дознавателя принять по заявлению лица, пострадавшего в результате преступления, предусмотренного статьей 115 или

статьей 116 УК Российской Федерации, меры, направленные на установление личности виновного в этом преступлении и привлечение его к уголовной ответственности в закрепленном уголовно-процессуальном законом порядке, не обеспечивают государственную, в том числе судебную, защиту прав и свобод человека и гражданина, а потому не соответствуют статьям 18, 21 (часть 1), 45, 46 (часть 1), 52 и 118 (часть 1) Конституции Российской Федерации.

4. В силу статей 46-52, 118 (части 1 и 2), 123 (часть 3) и 126 Конституции Российской Федерации функция разрешения уголовного дела и функция обвинения должны быть строго разграничены, каждая из них возлагается на соответствующий субъект. Возбуждение уголовного преследования, формулирование обвинения и его поддержание перед судом обеспечиваются указанными в законе органами и должностными лицами, а в предусмотренных законом случаях - также потерпевшими. Суд же, осуществляющий судебную власть посредством, в частности, уголовного судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон, в ходе производства по делу не может становиться ни на сторону обвинения, ни на сторону защиты, подменять стороны, принимая на себя их процессуальные полномочия, а должен оставаться объективным и беспристрастным арбитром. Возложение на суд обязанности в той или иной форме выполнять функцию обвинения не согласуется с предписаниями статьи 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации и препятствует независимому и беспристрастному осуществлению правосудия, как того требуют статьи 10, 118 и 120 Конституции Российской Федерации, статья 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и пункт 1 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. Этим, однако, не исключается, что при рассмотрении уголовного дела именно на суд возлагаются обязанности по организации судебного процесса и по обеспечению в нем сторонам возможности реализовывать свои процессуальные права, - в соответствии с частью третьей статьи 15 УПК Российской Федерации суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты, но создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав.

Институт производства по делам частного обвинения также предполагает разграничение функции отправления правосудия, возложенной на суд, и функции обвинения, реализуемой потерпевшим. Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 14 января 2000 года N 1-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, суд не вправе по собственной инициативе вынести решение о возбуждении уголовного дела частного обвинения и о принятии его к своему рассмотрению, не наделяется он по делам данной категории и какими бы то ни было иными полномочиями, выходящими за пределы осуществляемой им в силу Конституции Российской Федерации функции правосудия. Не могут расцениваться как таковые и действия судьи, связанные с принятием заявления потерпевшего о совершенном в отношении него преступлении и оказанием сторонам помощи в собирании доказательств, которые не могут быть получены ими самостоятельно. В этих случаях судья не осуществляет функцию стороны обвинения или стороны защиты и не проявляет не свойственную ему как органу правосудия инициативу - он лишь разрешает ходатайство соответствующей стороны об истребовании и исследовании указанного ею доказательства, используя властные полномочия, которые в судебных стадиях уголовного судопроизводства имеются у него и отсутствуют у сторон.

Таким образом, часть шестая статьи 144, пункт 3 части первой статьи 145, части первая и вторая статьи 319 УПК Российской Федерации в той их части, в какой они определяют полномочия судьи в ходе производства по делам частного обвинения, не могут расцениваться как противоречащие Конституции Российской Федерации.

Исходя из изложенного и руководствуясь частями первой и второй статьи 71, статьями 72, 74, 75, 79 и 100 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л:

1. Признать не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 18, 21 (часть 1), 45, 46 (часть 1), 52 и 118 (часть 1), положения частей второй и четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318 УПК Российской Федерации в той их части, в какой они не обязывают прокурора, следователя, орган дознания и дознавателя принять по заявлению лица, пострадавшего в результате преступления, предусмотренного статьей 115 или статьей 116 УК Российской Федерации, меры, направленные на установление личности виновного в этом преступлении и привлечение его к уголовной ответственности в закрепленном уголовно-процессуальном законом порядке.
 2. Признать положения части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, частей первой и второй статьи 319 УПК Российской Федерации, определяющие полномочия судьи по проверке заявления потерпевшего по делу частного обвинения и оказанию сторонам помощи в собирании доказательств, не противоречащими Конституции Российской Федерации.
 3. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.
 4. Согласно статье 78 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в "Российской газете" и "Собрании законодательства Российской Федерации". Постановление должно быть опубликовано также в "Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации".
- Конституционный Суд
Российской Федерации
N 7-П